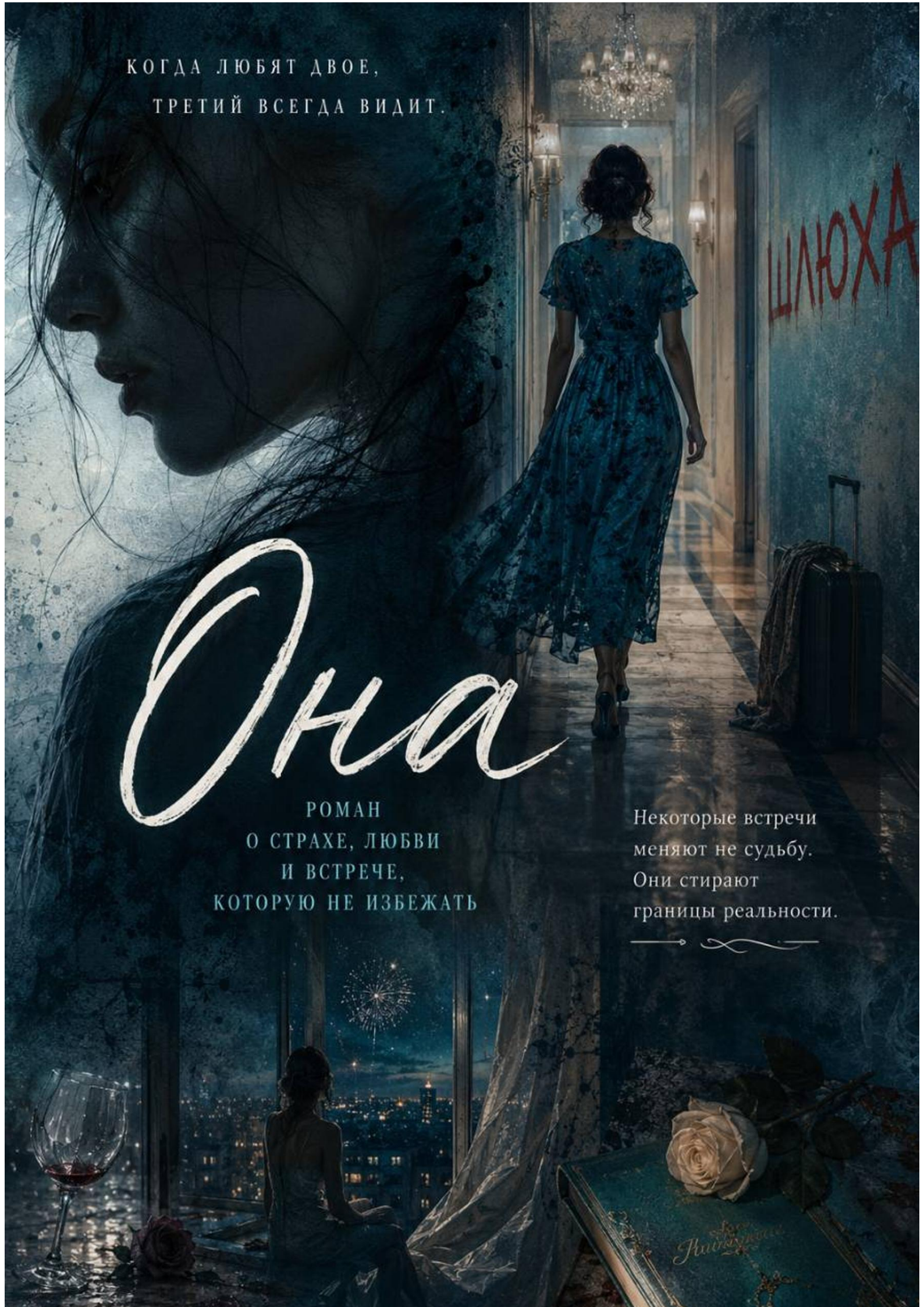

КОГДА ЛЮБЯТ ДВОЕ,
ТРЕТИЙ ВСЕГДА ВИДИТ.

Она

РОМАН
О СТРАХЕ, ЛЮБВИ
И ВСТРЕЧЕ,
КОТОРУЮ НЕ ИЗБЕЖАТЬ

Некоторые встречи
меняют не судьбу.
Они стирают
границы реальности.

КОПОТЬ
ОНА

«Автор»

2026

Копоть

ОНА / Копоть — «Автор», 2026

Это история женщины, которая однажды выбрала любовь — и с этого момента стала жить внутри страха. Семь лет она существует между нежностью и тревогой, между счастьем и ожиданием катастрофы. У ее любви есть тень — другая женщина. Жена. Та, которую она боится встретить больше всего на свете. Та, чье присутствие постепенно превращается не просто в ревность, а в навязчивый образ, преследующий ее повсюду: в запахах, голосах, случайных силуэтах, синих платьях, отражениях витрин и гостиничных коридорах. Пытаясь убежать от собственного страха, она отправляется в чужой город, но вместо покоя оказывается заперта внутри себя — среди мучительных мыслей, чувства вины, болезненной любви и медленно разрушающейся реальности. Это роман о внутреннем распаде, о женской тревоге, доведенной до почти физического состояния, о стыде, зависимости, одиночестве и о любви, которая одновременно спасает и уничтожает. История о том, как, когда любят двое, третий всегда видит.

© Копоть, 2026

© Автор, 2026

Копоть ОНА

— Дурной сон — это очищение от плохих мыслей, — говорила мама. — Всегда следи за тем, что носишь в голове. Не бери чужую тревогу себе. Не смотри долго на страдающих, если не можешь помочь. Не трать жизнь на людей, которые не протянут тебе руку в трудную минуту. И не радуйся чужому злу — однажды оно может постучать и в твою дверь.

Мама говорила это спокойно, словно знала что-то важное о человеческой жизни.

— Не держи в себе зависть, обиду и ложь. Иначе каждое утро будешь просыпаться уставшей — после ночной борьбы между добрыми и дурными мыслями.

Во сне зуб выпал неожиданно — без боли.

Татьяна почувствовала только лёгкий хруст и внезапную пустоту во рту. Затем другой зуб дрогнул, зашатался и тоже упал в ладонь.

Потом ещё один.

И ещё.

Паника накрыла её мгновенно.

Она пыталась удержать зубы руками, но они продолжали выпадать один за другим — крепкие, белые, совершенно здоровые. Ладони быстро наполнились ими.

— Что происходит?..

Но вместо слов из горла вырвалось бессвязное мычание.

Татьяна подняла глаза к зеркалу — и оцепенела.

На неё смотрела совершенно лысая женщина.

С распухшим ртом.

С животным ужасом в глазах.

Она закричала — и проснулась.

Несколько секунд Татьяна лежала неподвижно, тяжело дыша. Сон ещё не отпустил её. Страх липкой тяжестью сковывал тело, будто кошмар продолжался где-то рядом, за тонкой гранью пробуждения.

Из открытого окна тянуло прохладным утренним воздухом.

Ветер, еще тот, кто что еще бегал по крышам домов, поднимая перья птиц, отрывая листочек, скучающего в одиночестве у умирающего дерева, сделал последний круг у ее окна, и будто уже теряя силы, лениво подполз под одеяло и совсем замер.

Рядом зашевелился мужчина.

Её тяжёлый вдох разбудил его.

Когда-то каждое утро начиналось иначе: с поцелуев, от которых кружилась голова, с тихого смеха, с жадного желания прикоснуться друг к другу ещё хотя бы на минуту.

Теперь всё стало привычным.

Слишком привычным.

Татьяна повернулась к нему и осторожно потянулась за поцелуем — почти с надеждой, что сегодня не почувствует этой внутренней пустоты.

Но поцелуй оказался коротким и прохладным.

— Хорошего дня, — сонно сказал он. — Буду скучать. Возвращайся поскорее.

Она проводила его взглядом до тёмного коридора и тихо закрыла дверь.

Только после этого быстро подошла к книжному шкафу.

Старый потрёпанный сонник мама отдала ей ещё много лет назад — «на всякий случай».

Тогда это казалось смешным. Теперь — нет.

Татьяна нервно перелистывала страницы, пока не нашла нужное.

Зубы.

Смерть.

Она резко вдохнула.

Слово будто ударило её в грудь.

Телефон тут же оказался в руках. Она зачем-то записала значение сна в заметки, словно боялась забыть.

Пальцы дрожали.

Капля кофе упала на страницу.

Татьяна захлопнула книгу и швырнула её на пол. Сонник ударился о ножку стола, задев сахарницу. Та жалобно звякнула стеклом, но гордо устояла.

— Не надо было всё это начинать... — прошептала она. — Она меня убьёт. Точно убьёт.

Мысли заматались привычным мучительным кругом.

Разум пытался успокоить её.

Страх — разрастался.

Она снова подняла книгу, села прямо на пол и принялась бесцельно листать страницы, уже не различая букв. Время тянулось вязко. Рядом медленно остывал кофе.

Взгляд случайно остановился на платье.

Оно висело на спинке стула уже несколько месяцев — зелёное жаккардовое платье с неглубоким декольте и тёмными переливами страз на плечах.

Красивое.

Всегда готовое на выход — когда-то стало постоянным предметом непоколебимо существующая на спинке стула. Всякий раз она смотрела на него с нежным трепетом, как на витринный образец, представляя, как ловит всеобщее восхищение и похвалу.

Но каждый раз говорила себе:

«Не сегодня».

А потом — ещё тише:

«Вдруг она увидит».

Нельзя быть красивее, чем тебе позволено.

Эта мысль давно стала правилом.

Платье оставалось висеть на стуле, а на кровать летели рубашки, свитера, брюки. В итоге выбор, как всегда, останавливался на чём-то незаметном.

Белая рубашка.

Чёрные брюки.

Никаких ярких цветов.

Никакой женственности.

Татьяна посмотрела на своё отражение и невесело усмехнулась.

— Так проще жить.

Но внезапно что-то изменилось.

Такое случалось редко — словно внутри неожиданно открывалось окно и впускало воздух.

Напряжение в плечах ослабло.

Дышать стало легче.

Она встряхнула волосами, посмотрела на разбросанные вещи — и вдруг рассмеялась. Громко.

Свободно.

Будто ненадолго снова стала собой.

Подпевая какой-то случайной мелодии, Татьяна начала закрывать чемодан.

Иногда ей даже казалось, что она делает это нарочно шумно и весело — словно для невидимого зрителя.

Телефон завибрировал.

— Оля, а если я перестану пить таблетки хотя бы на неделю? — быстро заговорила Татьяна. — Мне кажется, их уже достаточно накопилось в организме. Хочу немного отдохнуть.

Она специально сказала это лёгким, почти шутливым тоном.

Оля вздохнула, она была самой близкой коллегой, и к врачебной профессии дело не имела никакого, но была единственным человеком, который знал для чего были эти таблетки.

— Тань, тебе врач назначил курс. Непрерывный. Такие вещи нельзя бросать просто потому, что захотелось.

— Но мне лучше.

— Тебе лучше именно потому, что ты их пьёшь.

Татьяна закатила глаза и театрально сложила ладони.

— Ну пожалуйста.

Оля молчала несколько секунд.

Потом устало сказала:

— Ты уже всё решила, да?

Татьяна улыбнулась.

В трубке послышался тихий щелчок клавиатуры.

— Тогда хотя бы рецепт с собой возьми. И не делай глупостей.

Маленький чемодан терпеливо ждал в коридоре. Белые таблетки звонко ударялись о стекло пузырька, возвращаясь с ее ладони обратно на полку — мимо этого чемодана, уже готового к дороге.

«Сколько можно ходить в этих кроссовках? Им давно место на помойке».

В голове прозвучал его голос. Она машинально посмотрела вниз: потертые носы обуви, розовый шнурок, выбившийся нелепой петлей. Виновато поджала ногу и быстро переступила через порог квартиры.

Только оказавшись снаружи, поняла, что снова забыла посмотреть в глазок. Сначала убедиться, что за дверью никого нет. Потом выходить.

По спине пробежал холод.

Она быстро оглядела зеленоватый подъездный коридор. Стены были перекрашены, но под свежей краской будто продолжали проступать черные надписи. Те самые. Грязные, злые слова. Теперь они жили не только на стенах — под корой памяти тоже.

«Нет. Не сейчас».

Лифт нехотя открыл двери, буркнув железным скрежетом. Синие цифры медленно поползли вниз.

«Смерть. Болезни. Несчастья. Господи, это просто сон. Просто сон. Сколько можно сходить с ума из-за сна?»

Она привычно нахмурилась — между бровями легла знакомая складка.

Светофор, который решает судьбы, встретил зеленым человечком внутри, и она про себя тут же одобритительно кивнула.

«Хороший знак».

Не умея самостоятельно находить утешения, уже преднамеренно ожидая несчастье, она всегда стремилась найти хоть маленькую надежду: будь то мужчина первый попавшийся утром

— хорошая примета, или муха в чае — к подарку. Окружение страдало от ее суеверной мнительности, потому как каждое пролитое кофе истерически обсуждалось детально и многократно до тех пор, пока не пройдет очередной день без беды.

И сейчас, получив свой зеленый свет, она почти весело шагнула через дорогу, даже не посмотрев по сторонам.

И тут же осеклась.

Язык нервно скользнул по нёбу. Эта неудобная привычка образовалась сама собой, но Таня ее не замечала.

«Если бы за рулем была она — тебя уже размазало бы по асфальту».

Тревога вернулась мгновенно — вязкая, липкая. Мысль прилипла к сознанию, как смола. Машины проносились мимо, а она непроизвольно вглядывалась в номера белых автомобилей, каждый раз вздрагивая, когда сочетание цифр казалось знакомым.

У тротуара лежала куча мусора: оранжевые обломки пластика, бутылки, грязная черная ткань. Издали это напоминало человеческое тело.

Она брезгливо перешагнула через мусор и вдруг почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

«Прекрати. Прекрати».

Но память уже подсовывала чужой голос:

«Тебе все вернется».

Ладони вспотели.

Сегодня она специально пошла другой дорогой, хотя аэропорт находился совсем в противоположной стороне.

Когда-то здесь должен был пройти проспект.

Инженер долго стоял над чертежом города, хмурясь и водя карандашом по бумаге. Его помощник молча делал вид, что занят своими расчетами.

Он не знал, что утром инженер, позавтракав и поцеловав жену, решил сделать ей сюрприз — сунуть деньги в карман пальто «на новые туфли». Но вместо подкладки пальцы наткнулись на зажигалку.

Импортную.

С яркой иностранной надписью.

Жена не курила.

Инженер нахмурился и перечеркнул часть проекта жирным крестом.

— Не годится.

Вот так посреди шумного города случайно остался нетронутый парк — островок дикой зелени среди бетона.

Небо тяжелело перед дождем. Темная синева нависала над кронами густых деревьев.

На озере две утки возились в перьях, не замечая человека совсем рядом. Она осторожно достала телефон, стараясь не шуметь, навела камеру — но одна из птиц мгновенно уловила опасность. Утки тревожно крикнули и скрылись в зарослях.

«А может, это вовсе не любовь...»

Деревья смыкались над дорожкой зеленой аркой. Сквозь тучи иногда прорывался свет, ложась пятнами на влажную землю.

Сегодня она шла непривычно медленно.

Ее лицо от тени крон, то светлело, то темнело.

Парк казался отрезанным от города. Словно декорация, за кулисами которой незримо работает сама природа.

— У тебя бывает чувство, что какая-то весна — последняя? Или лето? — однажды спросила она подругу. — Мне все время кажется, что эта весна у меня последняя.

— Не говори ерунды.

Но она все равно чувствовала это.

Будто природа прощалась с ней особенно щедро.

Та зима была слишком красивой: снегири на ветках, глубокие сугробы, медленный снег под фонарями, мороз, от которого трещали деревья.

Осень — слишком пронзительной: набухшие туманы, ливни, мокрые закаты.

Лето — слишком живым: запах нагретой травы, смородина, жужжание насекомых, писк комаров, летающих над озером, на котором еще качается венок из одуванчиков. Словно мир показывал ей все самое прекрасное в последний раз.

Теперь она замечала каждую мелочь.

Полупрозрачные листья с тонкими жилками. Желтые одуванчики. Хруст сухих веток. Шорох зверьков в кустах. Тихую воду между березами.

Мир стал болезненно отчетливым.

В низине под камышами стояла вода.

Она поискала глазами сухое место, не нашла — и решительно разбежалась.

Прыжок.

Твердая земля.

Сухие листья камышей лежали поверх влажной впадины, в которой просачивалась вода и виднелись следы прохожих людей и в трех метрах грязные отпечатки обуви на сухой земле. Не найдя глазами спасительный бугорок, решительно разбежалась, стараясь сделать это как можно быстрее. Оказавшись на сухой земле, она довольно оглянулась назад, но тут же почувствовала

холодную мокрую слизь и резко посмотрела вниз, с ужасом закричала и судорожно задергала ногу.

Сердце заколотилось так сильно, будто под ребрами завелся мотор.

Хвост змеи мелькнул, блеснув на солнце исчез в зарослях.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Потом медленно выдохнула и пошла дальше, стряхивая грязь с обуви.

Мир вдруг потускнел.

Солнце спряталось за облаком.

Она до сих пор ощущала присутствие змеи на своей ноге. И вместе с этим пришло воспоминание.

Тогда дверь кабинета распахнулась резко и властно.

Комнату будто заполнил тяжелый, сладковатый запах дорогих духов.

На пороге стояла крупная женщина в длинном пальто. мех песца лежал на груди, как мертвое животное.

Она смерила стажерку холодным взглядом.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал как приказ.

А кто она была тогда?

Девушка, которая до сих пор мечтает, и живет одним днем. Скромная и отчаянная, истеричная и рассудительная, умная и наивная. Верила в судьбу, гадала в карты, зевала в очереди за дверью у ясновидящих, читала романы, верила в чудеса и приметы. Относила себя к людям хорошим, добрым и отзывчивым, но сомневалась в этом, когда могла обидеть острым словом незнакомца. За свою еще недолгую, бессознательную жизнь, она уже не верила в любовь, случилось разочароваться в дружбе, любила исключительно кошек, и ненавидела собак, и все это в совокупности не мешало беречь в себе веру в людей.

— Стажер, — тихо ответила она.

Внезапно пухлые пальчики брезгливо взяли маленькую желтую бумажку с ее стола, на котором был нарисован как-то невзначай цветок, и тут же серый линолеум покрылся мелкими желтыми клочками бумаги.

Дверь закрылась.

Тишина стала почти физической.

И только тогда она расплакалась.

Позже, глядя на мокрую салфетку в руках, она вспомнила сон, приснившийся той ночью: ядовитая змея вонзает зубы ей в руку.

Она невольно потерла руку на месте мнимого укуса и снова оглянулась на кусты.

От ручья тянуло сыростью и гнилью. Даже веселое журчание воды не могло скрыть запах.

Казалось, за спиной кто-то идет.

Невидимый.

Темный.

Она снова ускорила шаг.

«А если она меня убьет?..»

Воображение всегда управляло ее жизнью.

— У тебя слишком богатая фантазия, — смеялся он, слегка дергая ее за нос.

Но для нее фантазия давно перестала быть игрой.

Иногда вымышленные страхи ощущались реальнее предметов вокруг.

Однажды осенью это стало невыносимо.

Вечером ей вдруг показалось: смерть уже стоит за дверью. Смотрит на ручку. Сейчас войдет.

Всю ночь она просидела без сна, борясь с собственными мыслями.

А утром впервые пошла к врачу.

Потом ей стало казаться, будто таблетки не лечат ее — просто делают мир ровнее. Тише. Понятнее.

Словно с воображения облупилась яркая краска.

Остатки этой краски теперь жили только в ее текстах.

Копия научной статьи лежала в чемодане — ради нее она и летела на конференцию.

И ей очень хотелось верить, что лекарства действительно помогли. Что прежняя она еще существует. Та, что была до встречи с ней.

Может быть, чтобы убить время — или чтобы время не убило ее, — она свернула в музей, вход в который находился прямо на углу перекрестка с красным человечком светофора. Для нее это уже было знаком: идти нужно именно туда.

Вдоль стен тянулись картины в тяжелых позолоченных рамах. Пейзажи, дамы на скамейках, мужчины во фраках, яркие сады, разлитый по полотнам солнечный свет — все это скользило мимо ее взгляда, не оставляя следа. Она почти не замечала ни алого платья женщины, будто горевшего среди темных красок, ни любви, выливавшейся из некоторых картин так щедро, словно могла просочиться сквозь холст, впитаться в старый паркет и подняться по ногам в человеческое тело.

Она шла машинально.

Пока вдруг не остановилась.

На картине старик с безумными глазами прижимал к себе умирающего сына.

Позади послышался топот экскурсионной группы и размеренный голос экскурсовода:

— Перед вами одно из самых известных произведений Ильи Ефимовича Репина — «Иван Грозный и сын его Иван». Принято считать, что царь убил сына в приступе гнева. Однако существует версия, что Репин опирался на рассказ итальянского переводчика, возможно очевидца событий. Некоторые историки и вовсе полагают, что Ивана Грозного обогнали...

Дальше слова расплылись.

До нее долетали только отдельные звуки:

«Оболгали».

«Правда».

«Гнев».

Она смотрела в глаза старика.

Великие картины всегда рождались не из счастья — из тревоги, тоски, страха, чувства вины. Но страшнее всего здесь были не полужакрытые глаза мертвого сына, а глаза человека, который остался жить.

Расширенные от ужаса.

Невыносимо живые.

«Кому из них хуже?..»

Она вдруг представила себя этим стариком.

Будто это она ворвалась в комнату слишком поздно. Увидела еще теплое тело. Подхватила его на руки, уже понимая, что ничего нельзя исправить, и от этого бессилия прижала к себе еще крепче.

На картине за окном медленно плыли облака, но ей казалось, что в этих безумных глазах отражаются только кровь и черные птицы.

«Не виновен», — подумала она неожиданно.

Будто оправдывала не только царя, но и себя.

В последнее время она замечала за собой странность: даже шутки она сначала мысленно проверяла — достаточно ли они смешны, не слишком ли глупы, не прозвучат ли фальшиво. Только после этого позволяла себе подумать их окончательно.

Так произошло и сейчас.

«Что ж, царя оправдала. Теперь можно и поесть».

Есть ей не хотелось.

Но тело требовало еды упрямо и равнодушно, как требует сна или воздуха.

На серой керамической тарелке громоздилось три куса жаренного мяса, с которого медленно стекал бордово-красный соус, и скромно примкнувший к ним кусок белого хлеба, он казался иностранным гостем, которому вовсе не хотелось приходить. Проскрежетав ножом, она сглотнула слюну и пробежала глазами по официантам и людям в заведении. Отправив первый кусок в рот, с наслаждением его перекидывала с одного ряда зубов на другой, замерла, вспомнив что-то, с трудом его проглотила. Оказавшись в желудке, так и остался лежать там в одиночестве, потому что невидимый кусок мяса из воспоминаний, уже заполнил всю пустоту. Она медленно провела ножом по мясу..

В тот день она тоже сидела напротив.

Ела вместе с ней.

Короткие пухлые пальцы женщины ловко перебирали еду, отщипывая понемногу то отсюда, то оттуда, с ленивой уверенностью хозяйки положения. Казалось, она любила еду почти чувственно.

За столом сидели пятеро, и с ее появлением все вдруг начали осторожничать в словах, будто раскладывали хрупкие стеклянные шарики по ячейкам.

Каждый понимал, зачем она пришла.

Посмотреть на женщину, которая спит с ее мужем.

Она дружелюбно подталкивала локтем растерянную стажерку, задавала вопросы, смеялась чуть громче остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.